

Моя последняя встреча в качестве натурщицы с Ильей Яковлевичем была в 1966 году. Он в это время писал портрет Петра Тодоровского. И мой портрет. Моделью я по-прежнему была бездарной. Однажды пришла не в той юбке. В тот раз Илья Яковлевич не церемонился, он мне уже выдал и за "Кутузова", и за загар Отрады, и за юбку сполна! Моей любви к нему от этого не убавилось.

А потом начался исход. Уехали и Шенкеры. И пространство Одессы стало сжиматься, как шагреневая кожа...

Ляля Швальбина стала Ларисой Шенкер, знаменитым редактором журнала "Слово/Word", который я смотрю в интернете, Илья знаменитым художником, выставки которого — событие, о котором много пишут в престижных изданиях.

А что пишу я? Конечно, не искусствоведческий очерк. Чем завершить этот текст? Может, строчками из того же стихотворения Бориса Пастернака, слова которого я вспомнила и поставила как заголовок.

"Вы — подлинность, Вы —обаянье, Вы вдохновение само. Об этом всем на расстояньи пусть скажет Вам мое письмо".

Так что это, "цветы запоздалые" к прошедшему юбилею?

Нет, все-таки запоздавшая на полвека благодарность за "Голубятню", за "Кутузова", за Отраду, за то, что жили в Одессе Илья Шенкер и Ляля Швальбина, чьи имена волшебным образом рифмуются и продолжают друг друга.

Илья и Ляля.

Ляля и Илья.

"Золотое дитя"

Наш давний автор

Одесситы постарше хорошо помнят Илью Ефимовича Илюшина. Ученик легендарного профессора Столярского, десятиклассник школы, носящей его имя, он 22 июня 1941 года должен был играть свой выпускной концерт, но пришлось сменить скрипку на трехлинейку...

После войны Илья закончил консерваторию, работал ведущим артистом симфонического оркестра Одесской филармонии, театральным дирижером.

Одесситы запомнили И. Илюшина и как активного журналиста, который 35 лет был собкором газеты "Советская культура", автором других центральных и местных изданий. Он награжден и за ратный труд, и за успехи в искусстве и журналистике.

Сейчас Илья Ефимович живет в США, и несмотря на весьма зрелый возраст и недуги, активно сотрудничает с русскоязычными изданиями Нью-Йорка.

В наш альманах он прислал заметки о встрече со знаменитым скульптором, ветераном Великой Отечественной войны Эрнстом Неизвестным. Беседа относится к тому времени, когда он работал над скульптурой "Золотое дитя", установленной перед одесским морвокзалом.

Феликс КОХРИХТ

Мне посчастливилось — Эрнст Неизвестный пригласил в свою мастерскую в нью-йоркском Сохо (район выставочных залов и галерей). В просторном светлом помещении тесно от множества его работ. Стоя на высокой лестнице, ваяет "Золотое дитя" и беседует со мной.

— Это модель будущего монумента "Золотое дитя", — говорит он. — Установят его в Одессе в дни празднования 200-летия города в сентябре 2004 года.

...Весной 1944 года наша воинская часть вошла в Одессу. Город только был освобожден от фашистских оккупантов. Приказом по 86-й гвардейской стрелковой Николаевской Краснознаменной дивизии от имени Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевого задания командования на фронте, за проявленную доблесть и мужество награжден орденом Красной Звезды гвардии младший лейтенант Неизвестный Эрнст Иосифович, командир стрелкового взвода 260-го гвардейского полка.

Фронтовик Неизвестный прошел по многим военным дорогам. Был тяжело ранен. Две "похоронки" получила его мать. В апреле 1945 года

в боях западнее Рюккендорфа при захвате контрольного пленного проявил себя смелым и инициативным командиром. Одним из первых поднялся в атаку на противника, увлекая за собой бойцов своего взвода. Ворвавшись в траншею, гранатами и огнем из автомата уничтожил пулеметную точку и 15 вражеских солдат. Будучи раненным, продолжал командовать взводом,

и благодаря этому были взяты траншеи противника и пленный. Вот так героически сражался гвардии младший лейтенант!

Я тоже ветеран-фронтовик, был взволнован встречей с товарищем по оружию Эрнстом Неизвестным, ныне ньюйоркцем.

Наблюдая за его работой над скульптурой, продолжаю беседовать о "Золотом дитяти".

— Наша воинская часть только-только прибыла в освобожденную Одессу, — рассказывает скульптор. — Всюду следы боев, развалины. Тяжелые годы провели одесситы в оккупированном городе. Но дух их не был сломлен. Оптимизм, крепость духа поразили меня. Я давно задумал монумент "Золотое дитя". Многие мои скульптуры глубоко трагичны. В них воплощен образ мужественного человека, который даже перед лицом смерти не теряет присутствия духа. Этот оптимистический трагизм я сам прошел. И вот впервые за свою жизнь создал монумент в светлом, радостном, романтическом ключе. "Золотое дитя" — яркий, солнечный образ рождающегося гиганта, надежда на процветание будущего вольного города. Это мой дар, который я посвящаю 200-летию Одессы. Все работы проводит "Эрнст Неизвестный корпорейшн" из Фонда Неизвестного.

Хочу отметить помощь молодого одаренного одесского скульптура Михаила Ревы. Два месяца мы с ним работаем в творческом содружестве в моей мастерской в Нью-Йорке.

* * *

Прошло время, гипсовую модель по частям погрузили в Нью-Йорке на океанское судно. Доставили сначала в Одессу, а оттуда в Киев. Там на заводе "Монументскульптура" отлили в бронзе и установили в центре черноморского города.

Четырехметровая фигура мальчика стала самой большой в мире фигурой младенца.

Монумент открыли. Эрнст Неизвестный приезжал на это событие. Был дорогим и желанным гостем на юбилейных торжествах 200-летия города.

Я рад, что присутствовал в мастерской Э. Неизвестного при рождении "Золотого дитяти".

